

самого его начала. Отсутствие сведений об участии в нем богомилов, с одной стороны, а с другой — данные о союзе восставших с официальной православной болгарской церковью (культ св. Димитрия) говорят о серьезном участии болгарской знати не только в руководстве, но и в подготовке восстания. Разумеется, восстание победило только в результате широкого участия в нем народных масс; успех восстания определялся также и другим обстоятельством: в результате развития феодальных институтов местная знать была уже настолько мощной, что не нуждалась в силе византийского централизованного государства для подавления трудящихся и смело выступила во главе народных масс против иноземного господства над Болгарией.

Поставленный в начале книги вопрос о том, почему центр движения против византийского господства переместился с запада на северо-восток, по нашему мнению, легче объяснить именно тем, что на юго-западе и знать, и монастыри были уже почти полностью греческими, тогда как на северо-востоке существовала более значительная прослойка болгарской знати и болгарских монастырей. Это дало возможность создать на северо-востоке Болгарии единый фронт болгарских крестьян, знати, церковников и монахов, выступивших против византийского ига. Именно в обстановке единого фронта можно было и изгнать иноземных завоевателей, и создать самостоятельное Болгарское царство, в котором — в отличие от Первого Болгарского царства — феодальные институты получили полное развитие.

Монография Г. Г. Литаврина охватывает широкий круг важнейших проблем истории Болгарии и Византии XI—XII вв. Вопросы внутренней истории разбираются в монографии в связи с анализом дальнейшего развития социальных отношений в поздней Византии XIII—XIV вв. Все важнейшие вопросы темы автор решает самостоятельно, в каждом отдельном случае опираясь на основательно собранный материал из имеющихся источников, тщательно учитывая всю литературу вопроса. Монография Г. Г. Литаврина — безусловно ценное приобретение советской византистики и советского славноведения.

М. Я. Сюзюмов

ИОРДАН. О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ДЕЯНИЯХ ГЕТОВ (GETICA).

Вступительная статья, перевод, комментарии Е. Ч. Скржинской. М., 1960.

Лежащее перед нами научно комментированное издание известного сочинения Иордана, впервые выпущенное у нас в свет в латинском оригинале с параллельным русским переводом, представляет собою большой научно-исследовательский труд крупного размаха и значения.

Подход к комментированному изданию нарративного источника может быть весьма различным, но научно наиболее плодотворным следует считать такой метод комментирования, при котором данный источник становится исходным пунктом целого ряда исследований комментатора, освещающих и разъясняющих исторические процессы и события, упомянутые или отраженные в данном источнике. Е. Ч. Скржинская избрала именно этот метод, и поэтому ее комментарии в своей совокупности дают целую энциклопедию не только по Иордану, а и по всей эпохе, которая так или иначе затронута в его работе. Многие комментарии Е. Ч. Скржинской являются значительными исследовательскими статьями, в которых автор впервые (не только в советской, но и в зарубежной историографии) самостоятельно вскрывает различные пласты в истории упомянутых у Иордана племен и устанавливает целый ряд фактов, относящихся к происхождению этих племен, их взаимоотношениям друг с другом, особенностям социального строя, к деятельности их вождей и королей и т. д. В большинстве случаев комментатор достигает этого путем самостоятельного решения спорных вопросов и посредством критического сопоставления различных точек зрения, высказанных в научной литературе на различных европейских языках (русском, немецком, французском, английском и итальянском). Возможность такого самостоятельного решения научных контроверз и уточнения ряда выводов исторической науки простекает из углубленного изучения комментатором весьма обширного круга разнообразных источников по истории раннего средневековья: сочинений греческих и римских писателей, византийских хроник, законодательных памятников, агрографии, надписей и др. (с привлечением данных археологии)¹. Только такое глубокое исследование всех этих исторических источников, прекрасным знанием которых является Е. Ч. Скржинская, позволило ей идти указанным выше путем и в своих комментариях к Иордану не ограничиться его собственными данными и известиями его современников, а все время последовательно проводить сопоставление произведений писателей VI в. с более ранними и более поздними памятниками. В результате комментариев к Иордану превратился в большой исследователь-

¹ Перечень этих источников см. в списке сокращений и в указателях имен к латинскому тексту Иордана и русскому переводу.

ский труд по истории славянских, германских, иранских и других племен раннего средневековья, их передвижений и столкновений в пределах Восточной, Центральной и Западной Европы, а также — изменений в их общественном строе. Этот труд проливает свет как на исторические судьбы готов, так и на всю эпоху переселения народов и смены старого, рабовладельческого, греко-римского мира новым, феодальным строем, развившимся впоследствии у германских и славянских народов.

Большая научная заслуга Е. Ч. Скржинской заключается не только в весьма ценных толкованиях самого текста Иордана, данных в переводе и обоснованных в примечаниях, но и в самостоятельном исследовании указанных выше вопросов в ряде обстоятельных примечаний, носящих характер статей, которые в целом рисуют широкую картину освещаемой комментатором эпохи. Показательно соотношение объема примечаний с размером переведенного Е. Ч. Скржинской и комментированного ею источника: латинский текст Иордана занимает примерно 3—3,5 печатных листа (несколько больше — перевод), между тем примечания составляют около 20 печатных листов (набранных петитом).

Вступительная статья Е. Ч. Скржинской, где высказан ряд весьма важных и новых в науке точек зрения относительно характера работы Иордана, места и времени ее написания, политической тенденции и т. д., представляет еще одно исследование автора, вносящее существенный вклад в источниковедение раннего средневековья.

В книге даны три приложения; во втором и третьем из них содержится ценное палеографическое исследование двух списков «Getica» Иордана — Лозаннского фрагмента, в некоторых отношениях близкого к утраченному Гейдельбергскому кодексу (самой ранней рукописи труда Иордана), и Палермского кодекса, найденного в 1927 г. и описанного итальянским историком Ф. Джунта в 1946 г. Палермский кодекс, стоящий в ряду одного из древнейших утраченных кодексов «Getica» (список начала VIII в.), представляет особую ценность — может быть, не меньшую, чем утерянный Гейдельбергский кодекс VIII в. Поэтому его исследование (так же как и Лозаннского фрагмента) весьма существенно, тем более что обследование этих кодексов впервые публикуется на русском языке и сопровождается репродукциями отрывков из рукописей на основании фотокопий и микрофильмов, присланных из Лозанны и Палермо.

I

Приступая к более подробному разбору труда Е. Ч. Скржинской, мы остановимся прежде всего на комментариях, затем перейдем к анализу вступительной статьи и в заключение выскажем некоторые замечания по отдельным конкретным вопросам.

Так как сочинение Иордана посвящено главным образом истории готов, которых автор отождествляет с гетами, то большой интерес представляет выяснение вопроса о причинах такого отождествления и о том, насколько достоверны свидетельства Иордана о происхождении готов и ходе их передвижений с I до IV в. н. э. Обращаясь прежде всего к трактовке Е. Ч. Скржинской всего этого круга вопросов, мы констатируем, что в ее комментариях убедительно показан исторический путь готов от Скандинавии к берегам Вислы, а затем — к Северному Причерноморью. Распутывая очень сложные нагромождения этнических названий у Иордана, Е. Ч. Скржинская показывает, что отождествление готов с готами связано с политической тенденцией этого историка, с его стремлением преувеличить древность готов путем включения в их историю событий из истории фракийского (дакийского) племени гетов. Эта операция облегчалась самим характером того материала источников, которым пользовался Иордан: уже Кассиодор сочетал имевшиеся у него данные о готах с известиями, найденными им у римских и греческих писателей о гетах, а между тем греческие писатели часто называли и гетов, и готов скифами, откуда и произошло наблюдаемое у Иордана смешение готов с гетами, а отчасти и со скифами. При этом Иордан опирался на не дошедшее до нас произведение греческого писателя конца I — начала II в. н. э. Диона Хризостома, озаглавленное «Getica» (как и сочинение Иордана). Для событий начала III в. н. э., когда готы передвинулись с берегов Вислы в район Северного Причерноморья, важным источником послужили Иордану данные Аблавия, готского писателя, произведение которого утрачено и который упоминается только у Иордана. Возможно, что к Аблавию в первую очередь и восходит отождествление Иорданом готов с гетами, изображенными в труде Диона Хризостома. Это отождествление (в духе указанной традиции античной историографии), усугубленное отмеченной выше политической тенденцией Иордана (а может быть, и его ближайшего источника — Кассиодора, а также Аблавия), могло корениться в принятом у писателей I—IV вв. н. э. обычае называть то или иное племя по названию занимаемой ими в данное время территории; а так как готы в конце III в. н. э. заняли бывшую римскую провинцию Дакию, где раньше обитали геты, то отсюда и возникло перенесение названия «геты» на готов. Опираясь на свидетельство писателя начала V в. Орозия

о том, что «недавно считались гетами те, которые теперь считаются готами», Иордан вперемежку употребляет и то и другое название².

На основании изложенного Е. Ч. Скржинская намечает такую последовательность этнического наименования области, которую Иордан обозначает как Дакия: вдоль течения реки Тиссы, далее по Карпатам и по течению Днестра до берега Черного моря: в I в. до н. э. Дакия выступает у Иордана как Гетия, потом она становится римской провинцией (с 107 по 271 гг.), а после 271 г. и до V в. Дакия превращается в Готию (позднее, в V—VI вв., ее занимают гепиды) (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 242—243). Эта последовательность подтверждает справедливость приведенного выше объяснения перенесения названия гетов на готов географическим размещением этих двух племен в разные периоды их истории (независимо от использования Иорданом этого смещения названий в политических целях).

Мы считаем очень важной аргументацию Е. Ч. Скржинской в пользу того, что готы не произошли от гетов и что Иордан, несмотря на сознательное смещение этих обоих названий, хотел в своем произведении проследить историю древнегерманского племени готов, происшедших из скандинавских и прибалтийских племен, впоследствии продвинувшихся к Черному морю. Этим, конечно, еще не решается вся совокупность весьма сложных вопросов, входящих в так называемую «готскую проблему». Однако уже доказательство этого кардинального тезиса проливает свет на многие из них, тем более что Е. Ч. Скржинская отнюдь не ограничивается этим, а делает ряд ценных экскурсов в раннюю и более позднюю историю готов.

Из числа экскурсов в раннюю историю готов отметим прежде всего соображения исследовательницы о том, что Скандинавия не случайно названа Иорданом *officina gentium* и *vagina nationum* («Getica», § 25): из нее выселились не только готы, но и другие германские племена; предположение о переселении готов из Скандинавии на побережье Балтийского моря (близ дельты Вислы) подтверждается как археологическими данными, так и сопоставлением со свидетельством более позднего, но весьма достоверного памятника VIII в. — «*Origo gentis Langobardorum*» (см. стр. 192—194). Значительную ценность представляет уточнение района поселения остготов (остроготов или грейтугов) и вестготов (гезеготов или тервингов) после их передвижения с берегов Балтийского моря в область Северного Причерноморья. Опираясь на указание Иордана о происхождении названий остготов и везеготов от места их расселения, а также на филологический анализ названия той области, в которую первоначально переселились готы с Нижней Вислы в результате своего передвижения на юг, а именно — Ойум, Е. Ч. Скржинская приходит к выводу, что, вопреки мнению Г. В. Вернадского, готы могли продвинуться к берегам Днепра лишь в том месте, которое окружено топиями и болотами и на восток от которого, еще по свидетельству Геродота, тянулся большой лес (это — единственный в то время обширный лесной массив на всем северном побережье Азовского и Черного морей). Ввиду затруднительности перехода Днепра из-за болот, готы, по-видимому, пересекли реку в нижнем течении, недалеко от ее лимана; оседание части переселявшегося племени на островах и на разных берегах Нижнего Днепра, может быть, и послужило основанием для разделения готов на западных и восточных, которое произошло, вероятно, именно в это время. Остготы заняли левобережье Нижнего Днепра, а вестготы — его правобережье; часть готов переселилась в Крым, откуда некоторые из них передвинулись на Таманский полуостров (см. стр. 195—196, 247).

Значительно позднее (в 365—367 гг.) вестготы — еще до того, как на готов обрушились гунны, — передвинулись под предводительством короля Атанариха к Днестру, как об этом сообщают и Иордан, и Аммиан Марцеллин (см. стр. 280).

Значительный интерес представляют данные об общественном строе готов и политической роли их родовой знати, из среды которой выходили племенные вожди, а также собранные Е. Ч. Скржинской свидетельства византийского писателя начала V в. Зосимы и сведения из фрагментов утраченного произведения афинского историка III в. Дексиппа о грабительских набегах готов в 50—60-х годах III в. на Малую Азию и Балканский полуостров, в частности на Грецию (стр. 258—259). Эти походы, предпринимавшиеся из разных пунктов, расположенных на побережье Северного Причерноморья (от устьев Днепра и Буга, Днестра и Дуная), указывают на сравнительно раннюю экспансию готов за пределы основной области их расселения в III в., а также могут служить, по нашему мнению, косвенным подтверждением социального расслоения в среде готов, обусловившего в конечном счете такие отдаленные походы дружинников с их вождями. В этой связи любопытно указание Иордана на наличие у готов уже в давние времена (якобы уже при Дикинее, т. е. в I в. до н. э.) собственных «законов», которые, по словам историка, до сих пор (т. е. до VI в.) называются «белагины» («Getica», § 69). Е. Ч. Скржинская справедливо отвергает возможность существования ранней записи обычного права готов, хотя Иордан и говорит о писаных законах (впрочем, записанных, по его словам, в результате: *Quas usque nunc conscriptas belagines nuncupant*, § 69); однако весьма существенна ссылка Иор-

² См. Е. Ч. Скржинская. Рец. соч., стр. 267, а также стр. 197, 224, 237—238, 242.

дана на возможность позднейшей записи древней устной традиции каких-то старинных обычаев, тем более, что слово «белагины», по Гримму, означает *Satzung* (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 238—239). Это свидетельство Иордана, по нашему мнению, открывает путь к возможным предположениям о тех истоках устного обычного права, из которых черпала формулировку старинных готских обычаев первая по времени сводка писаного готского обычного права — кодекс короля Эвриха конца V в. (поскольку в нем — наряду с романизованными правовыми нормами — содержатся и элементы варварского, древнегерманского права).

В примечаниях Е. Ч. Скржинской подробно прослежена — параллельно с комментированием изложения Иордана и на основании всей совокупности доступных нам источников — также и более поздняя история готов, вплоть до образования Вестготского королевства в Южной Галлии и Испании и Остготского королевства в Италии. Попутно рассматриваются и взаимоотношения готов с другими германскими (гепиды, герулы, ругии, вандалы, свевы и др.) и славянскими племенами.

Из специальных экскурсов в позднюю историю готов следует особо отметить прежде всего примечание № 365, где подчеркнута разноплеменность «готского» военно-племенного союза под властью короля Германариха: по справедливому мнению автора этого экскурса, готы были не столь многочисленны в составе так называемой готской державы Германариха, ибо, кроме них, в нее входили многие другие племена, обитавшие в районе Северного Причерноморья, так что «готской» эта держава называется лишь по признаку правивших ею готских вождей (см. стр. 265). Но в ее состав не могли входить, вопреки ошибочному мнению Иордана, вызванному его стремлением прославить могущество Германариха, следующие отдаленные от области расселения готов в IV в. племена, покорение которых Иордан приписал Германариху на основании сведения воедино различных отрывочных свидетельств, а именно: северные племена (чудь, весь, меря, мордва), славянское племя венетов, оказавшее, согласно данным самого Иордана, сильное сопротивление готам, а также и эсти, жившие на берегу Балтийского моря. Е. Ч. Скржинская вполне правомерно отвергает некритическое отношение к тексту Иордана, которое вызвало неправильное утверждение, будто «Германарих властвовал под областями между Черным и Балтийским морями и между Мэотидой и Карпатами» (см. стр. 265), а следовательно, и над всеми перечисленными выше негерманскими племенами.

Большой интерес представляют также наблюдения Е. Ч. Скржинской над терминологией Иордана; они приводят ее к выводу, что в IV в. у готов, кроме королей, были и такие военные вожди, которые правили своим племенем вместо королей (*regum vice*) и которых Иордан называет *reguli*: таковыми были Фритингерн у вестготов, Алатей и Сафрак у остготов, которых упоминает и Аммиан Марцеллин (Иордан в § 134 называет их *primates et duces qui regum vice illis praeerant*) (см. стр. 282)³.

Следуя за изложением Иордана, Е. Ч. Скржинская, не ограничиваясь, конечно, в своих комментариях историей ранних и более поздних передвижений готов (из Причерноморья за Дунай, а затем — в Мезию, Паннонию, Италию и Галлию)⁴, но дает также ряд экскурсов и в историю Остготского и Вестготского королевств (особенно подробно — по понятным причинам — комментируются события из времен Остготского королевства в Италии, вплоть до капитуляции короля остготов Витигеса в 540 г.).

Не имея возможности останавливаться на анализе всех этих экскурсов, отметим лишь, что они проливают свет на многие спорные вопросы истории Остготского и Вестготского королевств. Е. Ч. Скржинская делает также ряд ценных примечаний к свидетельствам Иордана и о других германских племенах — бургундзionaх (бургундах), вандалах, свевах, гепидах, ругиях, маркоманнах и квадах, алеманнах, бастарнах (певкинах), лангобардах, рипариях (рипуарских франках), герулах, скирах и др.

Отметим, в частности, содержащиеся в этих примечаниях соображения Е. Ч. Скржинской о происхождении названия племени певкинов от острова Певки и его локализацию в устье Дуная, в одном из рукавов этой реки, выше ее дельты, возле селения Новюдун. Эта локализация Певки установлена на основании сопоставления данных Иордана со свидетельствами Страбона, Плиния Старшего, Птолемея и Тацита; в связи с этим в примечаниях № 248 и № 304 (стр. 244 и 253) прослежено отождествление и сопоставление певкинов с бастарнами (кельтское название того же, по-видимому, германского племени или союза племен, в который входили певкины) и Страбона, Плиния, Тацита и др. (бастарны упоминаются еще у Тита Ливия — 40, 57, 7—

³ Не лишено интереса в этой связи упоминание Аммианом Марцелином — может быть, несколько в ином смысле — *regales* и *reguli* наряду с *reges* у алеманнов в середине IV в. («*Res gestae*», XVI, 12, § 26; XVIII, 2, § 13).

⁴ Точнее — переход части остготов после смерти Германариха на Днестр и Южный Дунай (стр. 319), пребывание готов — до их продвижения на Балканский полуостров — близ Днепро-Бугского лимана (стр. 330), пребывание остготов в Савии, т. е. между р. Савой и Дравой, по соседству с Далмацией, недалеко от Паннонии (стр. 341), и переход готов на Балканский полуостров.

как племя конца III в. до н. э.). Эти уточнения названий и локализации данного племени представляют весьма значительный интерес ввиду наличия разногласий у античных авторов в вопросе об этнической принадлежности этого племени: Тацит в своей «Германии» колебался, следует ли причислить певкинов (наряду с венедами и феннами) к германским или сарматским племенам, но все же, указывая на то, что певкинов называют бастарнами, склонялся к тому мнению, что они — германцы, так как похожи на этих последних по языку, образу жизни и характеру жилищ⁵. К германским племенам еще раньше Тацита причислял бастарнов Страбон (Geogr., VII, 3, 17). Плиний Старший в своей «Естественной истории» считал певкинов и бастарнов одной из основных групп германских племен (наряду с вандилиями, ингвёонами, иствёонами и гермионами — см. Plinius Sec. Nat. Hist., IV, 99—101), а эта классификация Плиния (о бастарнах см. также *ibid.*, IV, 81), как известно, легла в основу классификации важнейших групп древнегерманских племен, принятой наукой нового времени (в том числе и Ф. Энгельсом).

Весьма интересно также произведенное Е. Ч. Скржинской точное разграничение древнегерманского племени герулов, которых Иордан в § 23 выводит из Скандинавии, и «скифского» племени степных кочевников элзуров (или герулов), которые, по данным этнического и географического словаря Стефана Византийского (V в. н. э.), ссылающегося на Дексиппа, а также по свидетельству Абливия, жили в болотистой местности близ Мэотиды, откуда и их название: по-гречески *ele* — местность стоячих вод (см. «Getica», § 117); по-видимому, Иордан в разных местах своего труда обозначил одним и тем же названием два различных племени — одно германское, которое впоследствии выступало в войсках Алариха и Одоакра и участвовало в междоусобных войнах после смерти Аттилы, и другое — негерманское (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 266).

В подробном специальном примечании № 314¹ выяснен вопрос о происхождении бургунов (бургундионов) из Скандинавии и окружающих ее с юга островов (наряду с другими крупными германскими племенами — вандалами, готами, герулами и ругиями), а также и о том, обитала ли когда-либо какая-нибудь часть бургунов на берегах Азовского моря. Этот последний вопрос, возникший в связи с упоминанием буругундов и уругундов у Агафия и Зосимы в качестве племен Причерноморья, Е. Ч. Скржинская, на наш взгляд, совершенно правильно решает отрицательно (путем сопоставления данных Плиния, Птолемея, Аммиана Марцеллина, Орозия и Прокупия); Е. Ч. Скржинская приходит к тому выводу, что под призывскими «буругундами» Агафия следует разуметь одно из гуннских племен, — тем более, что тот же Агафий наряду с «понтийскими бургунами» называет и «бургундионов», которых он считает готским племенем. Таким образом, у Агафия произошло то же смешение двух разных племен со сходным названием, как и у Иордана в случае с герулами (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 254—256). В следующих примечаниях прослежены дальнейшие передвижения бургунов (их переход через Рейн и вторжение в Галлию).

В комментариях Е. Ч. Скржинской намечены также и основные этапы передвижений другого крупного германского племени — вандалов (делившихся на две ветви — «вандалов-асдинтов» и «вандалов-силингов»), от их перехода через Рейн в конце 406 г. и вторжения в Галлию (вместе со свевами, бургунами и аланами), а затем и в Испанию (вместе со свевами и аланами) (см. стр. 262—265, 277—278, 301 и др.) и вплоть до возникновения в дальнейшем Вандальско-Аланского королевства в Северной Африке. При этом Е. Ч. Скржинская указывает на ошибочность сообщения Иордана о пребывании вандалов в Паннонии в IV в.: сведения об этом встречаются только у одного Иордана и не подтверждаются археологическим материалом, между тем как о пребывании вандалов между Тиссой и Дунаем в IV в. имеются археологические данные (не исключена, впрочем, возможность, что Иордан имел в виду переселение в Паннонию лишь какой-нибудь части племени вандалов, ибо в § 115 он говорит о небольшом количестве вандалов (*regrausci Vandali*), переселившихся в Паннонию с разрешения Константина Великого после нанесенного им готами поражения (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 262—263, прим. № 362¹).

Отмечая сложность состава различных древнегерманских (и не только германских) племен по Иордану, Е. Ч. Скржинская подчеркивает сбивчивость его терминологии при попытках разграничения рода, племени и народа: так, иногда Иордан употребляет слово *patio* для обозначения самой мелкой ячейки, слово *gens* — при определении более крупного этнического целого, а *populus* — для обозначения народа, состоящего из двух ветвей-племен (*gentes*); например в § 42 сказано, что *populus* гóтов разделился на везеготов и остроготов, которых при отдельном их упоминании Иордан обозначает словом *gentes*; однако гóтов в целом (для древнейшего времени) Иордан тоже называет *gens*; в некоторых случаях *gens* и *populus* у Иордана равнозначны

⁵ См. Тацит, *Germ.*, 46: *Peucinorum Venetorumque et Fennorum nationes Germanis an Sarmatis ascribam dubito. Quamquam Peucini, quos quidam Bastarnas vocant, sermone, cultu, sede ac domicilliis ut Germani agunt....*

(см. Е. Ч. Скржинская, прим. № 313, стр. 254 и прим. № 316, стр. 256). По нашему мнению, возможно, что эти колебания Иордана объясняются не только неустойчивостью его терминологии (как и при употреблении терминов «гех», «regulus» и др. — см. выше), но и, с одной стороны, незавершенностью самого процесса образования новых племенных объединений из нескольких прежних, более мелких племен, а с другой — процесса перестановок внутри племенных союзов в результате их передвижений, постоянных войн, отщепления одной ветви того или иного племени от другой и т. д.

В комментариях Е. Ч. Скржинской подробно истолкованы также и данные Иордана о славянских племенах. В IV в. славяне делились на три основные группы: а) склавинов, составлявших тогда западную группу южной ветви славянских племен, б) антов — восточную группу той же южной ветви славян и в) венетов, составлявших северную ветвь славянских племен (см. стр. 210, прим. № 108).

Венеты, или венеда, упоминаются у античных писателей начиная с I в. н. э. и локализируются этими авторами (Плинием, Тацитом и Птолемеем) на берегах Вислы и Балтийского моря. При этом Тацит подчеркивал, что они не были кочевниками, и на этом основании склонен был считать их германцами, между тем как Плиний относил их к сарматам; и то, и другое этническое приурочение венетов, конечно, неверно, но правильно их противопоставление кочевникам (Тас., Germ., 46). В отличие от античных авторов, византийские писатели (Прокопий, Агафий, Менаандр и Феофилакт Симокатта), дающие обычно достоверные сведения, не упоминают названия венетов; по мнению Е. Ч. Скржинской, это подтверждает точность свидетельства Иордана, согласно которому название «венеты» к VI в. уже перестало служить общим обозначением славян и либо стало употребляться наряду с названием «склавины» и «анты», либо — вытесняться этими последними (что, по мнению автора комментария, несомненно для южных областей распространения славянских племен) (см. «Getica», § 34 и § 119; прим. № 107). В § 34 Иордан подчеркивает многолюдность венетов и обширность занимаемой ими территории; указанные античными авторами пределы этой территории соответствуют действительности, так как следы пребывания венетов именно в этих пределах в I в. н. э. подтверждаются археологическими данными — памятниками так называемой шпешворской культуры. По-видимому, венеты были в начале нашей эры обширной совокупностью славянских племен (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 209—210).

В отличие от названия «венеты», наименование «склавины» распространилось на все славянские племена лишь после VI в., а в VI в. имело только частное значение. На основании анализа эпиграфического памятника конца VI в. — эпитафии, посвященной бургундскому аббату (впоследствии епископу в Северо-Западной Испании) Мартину (ум. в 580 г.), в которой в числе племен, приобщенных им к христианству, указаны «склавы» и «нары» («нарцы»), Е. Ч. Скржинская приходит к выводу, что склавины обитали в VI в. в пределах Норика (отсюда и Нага) и что западная граница их расселения проходила близ реки Савы, между тем как на восток их поселения простирались до Днестра. Этот вывод подтверждается разбором названия Мурсианского озера, упомянутого лишь у Иордана (в § 30 и 35): из сопоставления результатов этого разбора с локализацией приводимого Иорданом в § 35 названия города Новиетун на среднем течении р. Савы Е. Ч. Скржинская извлекает убедительные аргументы в пользу предложенной ею локализации склавинов в VI в.; при этом она отвергает возможность отождествления Новиетуна с одноименным поселением в области племени бастарнов на правом берегу Дуная, немного выше его дельты, и отмечает ошибочность отнесения А. В. Мишулиным эпитафии Мартину к произведениям античных писателей: эта ошибка породила неверное представление о названии «склава» как о древнейшем упоминании славян.

Примечания № 108, 109 и 110, содержащие разбор всех указанных вопросов, представляют собой специальное исследование, выясняющее весьма важные для истории древних славян проблемы (см. стр. 210—218). Это — краткое резюме части статьи Е. Ч. Скржинской «О склавинов и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне» (см. ВВ, XII, 1957). Но и за многими комментариями Е. Ч. Скржинской к Иордану стоит столь же глубокая и фундаментальная исследовательская работа, результатом которой являются подчас кратко изложенные примечания.

Уточняя локализацию восточной группы южной ветви славянских племен, т. е. племен антов в VI в., Е. Ч. Скржинская сопоставляет свидетельство Иордана с данными Прокопия и отмечает, что Прокопий в этом вопросе менее точен, чем Иордан. Проведенное комментатором сопоставление сообщений обоих писателей VI в. приводит его к тому выводу, что восточная граница расселения антов в VI в. не заходила на левобережье Нижнего Днестра и что они жили в это время к востоку от склавинов, т. е. между Днестром и Днепром, у северо-западных берегов Черного моря. Несмотря на большую распыленность определения территории антов у Прокопия, чем у Иордана, Прокопий в сущности не противоречит Иордану; безусловно правильным является свидетельство Прокопия о многочисленности антов; об этом говорят и такие факты, как наличие у них многих предводителей («архонтов» — по Менаандру) и обмен посольствами между ними и Юстинианом (Прокопий, «Война с готами»); но с конца

VI — начала VII в. упоминания об антах становятся все реже, а потом и вовсе прекращаются (см. стр. 218—220).

Особо следует рассматривать, по мнению Е. Ч. Скржинской, вопрос относительно области расселения антов в IV в. ввиду неясности хода их передвижений с IV по VI в. Во всяком случае весьма возможно, что в IV в. они обитали на правом берегу Нижнего Днепра, где у них был свой вождь по имени Бож, упоминаемый только Иорданом, и притом один раз (в § 247); разбирая различные толкования этого имени, Е. Ч. Скржинская предлагает поставить его в связь со славянским словом «вождь» и считать его не именем собственным, а синонимом слова «dux» (хотя она подчеркивает, что и слово «вождь» могло быть собственным именем предводителя антов) (см. стр. 320—322). Столкновение остготского вождя Винитария (одного из преемников Германариха) с Божем комментатор, вопреки принятому мнению, предлагает относить не к году смерти Германариха, а к самому концу IV или началу V в. (см. стр. 320); при этом отвергается мнение Шмидта о легендарности Божя и Винитария, а также — всего рассказа Иордана о борьбе готов Винитария с антами и гуннами и указывается на историчность имени «Винитарий», сохранившегося вплоть до VIII в. (имя писца-монаха Сен-Галленского аббатства) (стр. 320). Точно так же не принимает Е. Ч. Скржинская и гипотезу Ольрика и Шмидта, отождествляющих (на основании филологического анализа этнического названия «анты») ранних антов IV в. с кавказскими аланами: не отрицая того, что это название может происходить от аланского корня, Е. Ч. Скржинская подчеркивает, что этим именем могли называться не только аланские, но и славянские племена, впоследствии подпавшие под господство аланских родов, которые подверглись славянизации (эту возможность признал впоследствии — в 1953 г. — Г. В. Вернадский, который в своих прежних работах еще призывал к аланской гипотезе происхождения антов) (см. стр. 321—322).

Таким образом, Е. Ч. Скржинская присоединяется к мнению советских славистов (М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова и Д. С. Лихачева) о принадлежности антов к славянским племенам (см. стр. 322).

В примечании № 70 к слову «спалы» (у Иордана в § 28, где идет речь о племени, на которое напала часть готов после их продвижения в область Ойум) Е. Ч. Скржинская вполне обоснованно придает большое значение упоминанию Иордана о спалах на Нижнем Днепре, ибо у Прокопия близкое к слову «спалы» название «споры» (так же, как и слово «венеты») служило общим наименованием для двух будущих крупных групп славянских племен — склавенев и антов; поэтому упоминание Иордана на пребывание спалов в области нижнего течения Днепра существенно для локализации славян в III—IV вв. (см. стр. 196).

Свидетельство Иордана о подвластных Германариху «росомонах», упоминающихся только Иорданом (в § 129), Е. Ч. Скржинская предлагает не смешивать с данными о «роксоланах», упоминаемых Страбоном, Итолемеем и тем же Иорданом; отвергая предположение Шмидта о фиктивности племени «росомонов», Е. Ч. Скржинская указывает на существенное значение начала их названия — «рос», которое происходит либо от осетинского (аланского) «рохс» — «светлый», либо от названия народа «рос» — по свидетельству писателя VI в. Захария Ритора. Если принять это последнее толкование, то «росомоны» могут считаться «ядром» будущей русской народности (по мнению Б. А. Рыбакова; ср. также сделанное Н. В. Пигулевской исследование сирийских источников VI в. — хроник Иоанна Эфесского и Захария Ритора). Однако Е. Ч. Скржинская подчеркивает, что историческая наука еще не разгадала окончательно смысл названия «росомоны» и не произвела их точного этнического приурочения (см. стр. 279—280).

Отмечая упоминание Иорданом в § 24 германского племени ругиев, а также вышедших из Скандинавии («с острова Скандзы») ульмеругов — островных ругиев (§ 26), Е. Ч. Скржинская сопоставляет это свидетельство Иордана с данными Тацита о ругиях, живущих у самого «океана» (т. е. Балтийского моря) (Тас., Germ., 44), и о большом племени лугиев, занимающем обширную территорию между Одером и Вислой и распадающемся на целый ряд более мелких племен, частично перечисленных Тацитом⁶. При этом Е. Ч. Скржинская разграничивает эти два соседних племени по их этническому происхождению и, в отличие от ругиев, считает лугиев, упомянутых также в качестве большого племени Страбоном (Geogr., VII, I, 3), славянами; она опирается при этом на археологические данные (близость так называемой «лужицкой культуры» к культуре венедов) и на Пейтингеровы таблицы IV в., называющие и венедов, и лугиев сарматами, т. е. рассматривающие лугиев как негерманское племя (см. стр. 192—193).

В примечаниях о часто упоминаемых Иорданом сарматах Е. Ч. Скржинская, указывая на собирательный характер этого названия, исходящего в сущности из географического признака (племени Сарматии, т. е. средней и южной части Восточно-Ев-

⁶ См. Тац., Germ., 43: Ex quibus latissime patet Lugiorum nomen in plures civitates diffusum. Valentissimas nominasse sufficiet, Harios, Helveconas, Manimos Helisios, Nahanarvalos.

ропейской равнины от Карпат до Волги), разбирает отдельно исторические судьбы различных племен, именуемых сарматами: 1) мёотов (к востоку от Мёотиды, т. е. Азовского моря); 2) аланов, живших в степях Северного Кавказа; 3) роксоланов, обитавших между Доном и Днепром; 4) язигов, обитателей степей к востоку от Дуная и берегов Тиссы (в том районе, где Дунай течет с севера на юг) (см. стр. 232—233). Из этих сарматских племен большую историческую роль в III—V вв. играли аланы, которые уже в начале нашей эры обитали к северу от Кавказа, вокруг Азовского моря и на левобережье Дона, откуда совершали походы в Закавказье (ср. данные об этом у Иосифа Флавия, Птолемея и Луккиана). Согласно свидетельствам Аммиана Марцеллина, в III—IV вв. название «аланы» имело уже собирательное значение, из чего Е. Ч. Скржинская делает вывод о существовании мощного племенного союза аланов за Доном в III—IV вв. (см. стр. 274—275).

Сопоставляя сообщение Аммиана Марцеллина о кочевом образе жизни аланов с данными археологических исследований советских ученых, Е. Ч. Скржинская подчеркивает наличие оседлых аланских поселений на Северном Кавказе в IV—V вв.; на основании данных того же Аммиана Марцеллина об общественном строе аланов — равенство всех аланов друг с другом, выбор старейшин (*iudices*) за военные заслуги, отсутствие упоминаний о рабстве (*Amm. Marc., XXXI, 2, 25*) — Е. Ч. Скржинская считает, что в социальном строе аланов «заметны черты военной демократии» (стр. 275). Однако до IV в. многие аланские племена, по-видимому, были кочевниками, как это видно из Аммиана Марцеллина, хотя он и неправильно сближает их с гуннами (см. стр. 276).

Прослеживая участие аланов в переселении народов в V в., Е. Ч. Скржинская указывает, что, несмотря на слияние значительной части аланов с вандалами в Испании и Африке после совместного их продвижения через Испанию и после основания Вandalьского королевства в Африке, следы аланов встречаются впоследствии (в XI—XIII вв.) по Нижнему Дунаю, на северо-западном побережье Черного моря и в Крыму, как это явствует из сообщения византийских писателей и из императорских хрисовулов (эти аланы иногда называются массагетами) (см. стр. 276—278). Возвращаясь к событиям V в., Е. Ч. Скржинская упоминает о неоднократном участии аланской конницы в сражениях то на стороне Стихихона и Аэция, то на стороне Одоакра (стр. 287, 303 и др.).

Комментируя сообщения Иордана о гуннах и сопоставляя их со свидетельствами Аммиана Марцеллина, Орозия и Приска, Е. Ч. Скржинская отмечает недостаточность представлений европейских авторов о происхождении гуннов; оставляя эту проблему в стороне ввиду того, что она выходит за пределы излагаемых Иорданом событий (если не считать его легендарного экскурса, содержащего фантастическое объяснение происхождения этого племени), Е. Ч. Скржинская прослеживает (на основании более точных данных Аммиана Марцеллина и особенно Приска, а также заимствованных у него свидетельств самого Иордана и отчасти Прокопия) весь последующий путь гуннов по Европе в течение IV—V вв. — от правобережья Дона до Балканского полуострова, Галлии и Италии. При этом она отмечает этническое многообразие гуннского союза и подчеркивает влияние славян на гуннов (соприкосновение гуннов с антами в конце IV в. на Днепре и возможность пребывания славян на Тиссе и в Паннонии уже в V в.) (см. стр. 268—270, 271, 223). Попутно прослежены и взаимоотношения гуннов с готами, вандалами, аланами и другими племенами (см. стр. 277, 303—304, 307—308 и др.).

Вполне обоснованно отвергает Е. Ч. Скржинская выдвинутый А. Н. Бернштамом тезис о прогрессивной исторической роли гуннов в уничтожении античных рабовладельческих отношений в качестве участников событий, которые создали новую, феодальную социально-экономическую формацию (см. стр. 304—305).

В нашей рецензии мы, естественно, не могли исчерпать все многообразие конкретного материала, содержащегося в комментариях Е. Ч. Скржинской к Иордану: мы стремились лишь показать на целом ряде примеров ценность проделанных ею исследований и сопоставлений данных разных источников по истории упомянутых Иорданом германских, славянских, иранских и других племен. Заканчивая разбор комментариев, считаем нужным отметить, что Е. Ч. Скржинская не только прослеживает исторические судьбы этих племен, но анализирует и восстания рабов, колоннов и солдат, происходившие параллельно с передвижениями тех или иных варваров: так, она останавливается на истории поддержанного вандалами восстания Стотзы в Африке вскоре после завоевания Вandalьского королевства Византией (по данным Иордана и Прокопия) (стр. 300—301), на движении багаудов (с III по V в.), решающее поражение которым нанес в 448 г. король аланов Гоар по приказанию Аэция (стр. 302—303), а также на движении скамаров в Верхней Мезии в конце V — начале VI в. Е. Ч. Скржинская вносит много нового в истолкование этого последнего движения путем сопоставления данных Иордана (§ 300—301) и «Жития св. Северина», написанного в 514 г. Евгиттием и представляющего собою памятник, близкий к узко локальной хронике. Это сопоставление позволяет Е. Ч. Скржинской точнее выяснить социальный состав скамаров и внести ряд существенных поправок в прежние работы

на эту тему (в частности в работы А. Д. Дмитриева). Прodelанный комментатором анализ подтверждает не только связь движения скамаров с набегами варваров (алеманов, турингов, готов) из-за Дуная на Балканский полуостров, но и наличие в составе скамаров простых земледельцев-крестьян, которые собственными руками производили полевые работы (opus agrale, по словам Евгиппия).

Весьма существенны также соображения Е. Ч. Скржинской, касающиеся этимологии слова «скамары». Е. Ч. Скржинская отвергает предположение Брукнера о связи этого слова с языком лангобардов и на основании данных Евгиппия показывает, что оно употреблялось в Норике и Паннонии уже в V в., когда лангобардов там еще не было; наличие слова «скамары» (scamarae) в лангобардском эдикте Ротари 643 г. (§ 5) может быть объяснено заимствованием лангобардами этого местного придунайского выражения во время их пребывания в Паннонии (стр. 356).

II

Во вступительной статье Е. Ч. Скржинская подробно останавливается на следующих вопросах: об этнической принадлежности и происхождении Иордана, о времени его службы в качестве нотариуса, о его «обращении» (conversio), о месте, где было написано его сочинение, и политической тенденции последнего.

Вопреки принятому в специальной литературе толкованию точки зрения Т. Моммзена и Г. Ваттенбаха и в отличие от мнения других ученых (И. Ранке, Вельфлина и др.), Е. Ч. Скржинская считает Иордана готом: она основывается на его собственном прямом заявлении о том, что он гот (§ 316). Предположение Моммзена, что Иордан, будучи по происхождению аланом, мог назвать себя готом только потому, что находился среди готов, а не на исконной родине аланов, Е. Ч. Скржинская считает малоубедительным; при этом она отмечает ряд колебаний Моммзена в вопросе об этнической принадлежности Иордана, которого Моммзен в других местах введения к его изданию «Getica» называет «готом, живущим в Мезии или Фракии», «автором, ведущим свое происхождение от мезийских готов». Е. Ч. Скржинская полагает, что в этом вопросе прав Левисон, который в последнем издании известного труда Ваттенбаха (1952 г.) ссылается на то, что сам Иордан причисляет себя к готскому племени (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 12—14).

Кратко упоминая в § 266 «Гетики» о своем происхождении, о деде и отце, Иордан ставит рядом с именем аланского вождя Кандака странное слово Алановиймутис (Alanoviamuthis), которое Е. Ч. Скржинская, вслед за Гринбергером (1889 г.) и Фридрихом (1907 г.), предлагает читать, как Alan [orum ducis] Viamuthis... Такое чтение позволяет считать, что отец Иордана носил готское имя Вийамут. Смысл текста в § 266 Е. Ч. Скржинская разъясняет следующим образом: дед Иордана Пария служил нотариусом у аланского вождя Кандака; сыном этого Пария был отец Иордана Вийамут; сам же Иордан служил нотариусом у племянника Кандака (сына его сестры), Гунтигиса-Базы (см. стр. 14—15 и 120). При таком толковании слово Viamuthis следует относить к словам patris mei (в род. падеже). Но если принять возражения Моммзена против расчленения слова Alanoviamuthis, то следует отнести его не к patris, а к предшествующему слову Candacis; в таком случае вышеприведенное загадочное слово придется (как это и сделано в переводе на стр. 120) считать прозвищем аланского вождя Кандака (ибо в этом слове несомненно наличие этнического названия аланов) и полагать, что Иордан назвал имя его нотариуса, своего деда (Пария), но не упомянул вовсе имени своего отца (Е. Ч. Скржинская, прим. № 660, стр. 333—335). Как бы то ни было, но при том и другом толковании остается несомненным, что и дед Иордана, и он сам (Иордан до своего «обращения») служили нотариумами и что Иордан занимал эту должность у крупного военачальника Гунтигиса-Базы, который по матери происходил от аланов, а по отцу — из знатнейшего готского рода Амалов. По-видимому, Иордан служил нотариусом в начале VI в. (между 505 и 536 г.).

Весьма возможно, по мнению Е. Ч. Скржинской, что дед Иордана был нотариусом в Нижней Мезии и Малой Скифии, правителем которых являлся Кандак; может быть, сам Иордан родился в Мезии, на что косвенно указывает описание им «многочисленных племен» так называемых малых готов (в § 267 — вслед за автобиографическими данными, сообщенными им в § 266), ибо малые готы жили как раз в Мезии. Если это так, то во время своего пребывания в готской Мезии Иордан мог быть арианнином, а так как впоследствии он называл арианство «лжеучением», то возможно, что упомянутое им «обращение» (conversio) следует понимать как его переход из арианства в «правоверие», в православие (т. е. в «католицизм»). Это не исключает, впрочем, того, что в результате conversio Иордан вступил в группу лиц, называемых religiosi, которые, оставаясь мирянами, соблюдали некоторые правила монашеской жизни; но, как полагает Е. Ч. Скржинская, Иордан не был монахом (ср. стр. 17—18, 22—23, 60). Наличие упоминаний о Иордане как епископе еще не дает оснований говорить о его вступлении в монашество, так как он мог стать епископом непосредственно из группы religiosi. Во всяком случае он никогда не был епископом в Равенне, хотя в заглавиях

ряда древнейших рукописей его работ Иордан назван равеннским епископом: этой возможности противоречит, во-первых, отсутствие упоминаний о епископе по имени «Иордан» в списке епископов Равенны («*Liber pontificalis*» равеннской церкви), составленном в IX в., а во-вторых, то обстоятельство, что равеннский географ VIII в., неоднократно ссылающийся на Иордана, и притом всегда в связи с описанными им странами, не называет его епископом, а только космографом или хронографом; это было бы невероятно, если бы Иордан в самом деле являлся епископом в родном городе географа — Равенне (см. стр. 18—22).

Несмотря на то, что Иордан в уже цитированном § 266 своей «*Getica*» называет себя *agrammatus*, он, несомненно, был человеком начитанным, знакомым с сочинениями многих античных авторов — греческих и римских историков и географов. Выражение *agrammatus* не надо понимать буквально: оно означало лишь человека, не получившего систематического школьного образования, т. е. не прошедшего школьного «тривия», в программу которого входила грамматика; называя себя *agrammatus*, Иордан хотел лишь подчеркнуть, что он недостаточно хорошо владеет латинским литературным языком; к тому же это выражение могло быть продикутовано стремлением автора к самоуничижению (подобное стремление очень явственно проступает и у Григория Турского, который писал по-латыни гораздо лучше Иордана) (см. стр. 24—26, 60).

Изложенные соображения Е. Ч. Скрижинской вносят много нового в наши сведения о происхождении, этнической принадлежности и биографии Иордана, что очень важно для уяснения характера и исторического значения его труда.

Но наиболее существенными представляются нам исследования Е. Ч. Скрижинской, посвященные следующему кругу вопросов: взаимоотношение утраченной «Истории готов» Кассиодора и «*Getica*» Иордана, политическая тенденция сочинений этих обоих авторов, место написания «*Getica*». Е. Ч. Скрижинская датирует время завершения «*Getica*» и «*Romana*» 550—551 годами и отмечает при этом, что изложение в «*Getica*» обрывается на 540 г. (т. е. на капитуляции остготского короля Витигеса), между тем как в «*Romana*» оно доведено до 551 г. (хотя о смерти византийского полководца, племянника Юстиниана Германа, преемника Велисария, и о рождении Германа — сына упомянуто и в конце «*Getica*»). Е. Ч. Скрижинская подчеркивает, что «*Getica*» и «*Romana*» Иордана нередко упоминаются в старых каталогах средневековых библиотек, между тем как такое крупное произведение, как «История готов» Кассиодора в 12 книгах, о котором неоднократно говорит сам Кассиодор в своих «*Variae*» и которым пользовался Иордан, там не отмечается. Отсюда автор делает вывод, что хроника Кассиодора не дошла до нас отнюдь не в силу случайных причин: в изменившейся к 550—551 гг. политической ситуации надо было устранить труд Кассиодора, заменив его компиляцией, близкой по содержанию, но с другим замыслом и другим заключением: «Кассиодора целиком заменил Иордан» (стр. 33, 39, 40). Этот вывод Е. Ч. Скрижинская подробно аргументирует разбором политических событий от последних лет правления Теодориха до 551 г.

Во время существования Остготского королевства в Италии на международной арене действовали три политические силы: готы (во главе с остготской знатью и королевской властью), италийцы (т. е. коренное римское население Италии, высшие социальные слои которого составляли крупные итальянские землевладельцы, чиновничество и представители католической церкви) и Византийская империя (см. стр. 36, а также стр. 349, 359). Теодорих хотел «спаять» готов и италийцев, хотя он и не стремился к слиянию готов с населением Италии; при этом он намеревался сохранить римскую экономику и законы, лишь до известной степени обновив их; тем самым он хотел сохранить и итало-готский дуализм — при полной независимости Остготского королевства, этого «гибридного государственного организма» (стр. 359) от восточноримской империи. Это основное направление политики Теодориха хорошо сформулировано современным анонимным хронистом в следующих словах: «И так он правил двумя народами — римлянами и готами, слитыми воедино» (*Anonymus Valesii*, 60).

Однако такую политику можно было вести лишь временно, и она могла удаваться только внешним образом; вернее — некоторое время могло казаться, что она удастся. Но уже к концу правления Теодориха недовольство высших классов италийского общества господством остготов настолько усилилось, что в «римском сенате созрел план освобождения Италии от готского владычества» (стр. 37); сторонники этого плана вступили в союз с Византией (может быть, с Юстинианом, как раз в это время стремившимся к императорской власти). Раскрытие заговора Теодорихом, казнь главы римского сената Симмаха и магистра официй Боэция и низложение папы Иоанна I знаменовало поворот в политике Теодориха и его стремление усилить преобладание остготов над римлянами в Италии. При Аталарихе и Амаласвигне уже шла открытая борьба двух течений — одного, стремившегося продолжить политику последних лет правления Теодориха (Е. Ч. Скрижинская называет его «ультраготским»), и другого — готового идти на тесное сближение Италии с Византией, которое должно было привести к подчинению остготской Италии империи (Е. Ч. Скрижинская называет это течение «итало-византийским» — см. стр. 40—41).

Политическая тенденция хроники Кассиодора, задуманной и начатой еще при Теодорихе, отражала политику последних лет его правления; труд Кассиодора «должен был, возвысив варваров до уровня римлян, подготовить дальнейшее преобладание варваров над римлянами» (стр. 39). «Книга Кассиодора должна была способствовать противоположению Остроготского королевства империи и отрыву Италии от последней» (стр. 38). В обращении короля Аталариха к римскому сенату в конце 533 г. (составленным, конечно, самим Кассиодором и дошедшем до нас в тексте его «*Variarum*», IX, 25) Кассиодору ставилось в заслугу то, что он своим прославлением готов и Амалов «превратил происхождение готов в римскую историю, сделал историю готов частью истории римской» (стр. 34). Однако, несмотря на это, в 533 г. король и его готское окружение уже видели в этом труде идеалы «ультраготского» направления. Что же касается самого Кассиодора, то, по мнению Е. Ч. Скрижинской, он, скорее всего, осторожно «лабирировал между приверженцами ультраготского и итало-византийского течения, тайне склоняясь ко второму» (стр. 40—41).

За четверть века после смерти Теодориха обстановка резко изменилась: после капитуляции остготского короля Витигеса в 540 г. и далее — во время длительной борьбы Тотилы с Византийской империей — произошли существенные перемещения внутри остготского общества, и «провизантийская» позиция италийской знати очень усилилась. Если на сторону Тотилы переходили крестьяне и рабы, а также римские солдаты, то италийская знать и часть готской знати были ему враждебны. После взятия Равенны и окружающих его готских крепостей Велисарием и после того, как война остготов с империей продолжалась с переменным успехом, решающим поворотом в этой борьбе послужил в 550 г. морской бой за Анкону — единственный опорный пункт византийцев на Адриатическом побережье (исключительное значение этого сражения для обеих сторон видно из характера речей византийских полководцев и Тотилы перед боем — речей, включенных Прокопием в его историю готских войн). После поражения готов при Анконе исход войны был предreshен (стр. 45—46). В этой обстановке, по мнению Е. Ч. Скрижинской, «в определенных общественных кругах было решено создать трактат о готах, в прошлом славных и непобедимых, а в настоящем преклоняющихся перед императором-победителем» (стр. 46); это было, полагает автор вступительной статьи, в интересах италийской и части готской знати, которую не устраивала тенденция Кассиодора — его стремление «отстаивать равенство готов и италийцев с тем, чтобы оправдать подчинение вторых первым» (стр. 39). Историческим трудом, проникнутым новой тенденцией, и послужила «*Getica*» Иордана, которую Е. Ч. Скрижинская считает «не чем иным, как политическим, если не своеобразно публицистическим трактатом, созданным по требованию определенной общественной группы в известный переломный для нее политический момент» (стр. 47).

По мнению Е. Ч. Скрижинской, весьма возможно, что сочинение Иордана, «полностью воспроизводящее Кассиодорово возвеличение готов», но с другой тенденцией, «удачно маскировало ставшую неуместной политическую направленность труда Кассиодора» (стр. 39). В силу этих соображений Е. Ч. Скрижинская считает допустимым «предполагать, что Касталий, побуждавший Иордана составить «*Getica*», выражал желание самого Кассиодора и близких ему общественных кругов» (стр. 40). «Во всяком случае книга Кассиодора в ее первоначальной редакции ко времени перелома в ходе войны в Италии в 550—551 гг. устарела, а впоследствии, по-видимому, была уничтожена» (Е. Ч. Скрижинская, стр. 40).

Изложенная аргументация служит Е. Ч. Скрижинской подтверждением ее другого предположения, а именно, что «*Getica*» была написана Иорданом в Равенне. Равенна выступает в изложении Прокопия «как опорный пункт империи, соединяющий ее с Италией» (стр. 50). Вряд ли «*Getica*» могла быть составлена в Константинополе, ибо в столице Византийской империи не пользовался бы таким почетом Кассиодор, бывший некогда главной фигурой в Остроготском королевстве, и не стал бы так известен Иордан, которого с уважением упоминает анонимный равеннский географ (стр. 52—53). Между тем Иордан, как известно, не только широко обращается к труду Кассиодора, но и сообщает, что, приняв поручение Касталия написать «*Getica*», он получил хронику Кассиодора (конечно, уже ранее ему известную) от его управителя для повторного «трехдневного чтения», т. е. для просмотра (см. стр. 50—51). При этом Иордан называет Касталия «соседом племени готов» («*vicinus genti*»), а это, по мнению Е. Ч. Скрижинской, можно объяснить только тем, что Касталий находился в это время в пределах владений готов — к северу от реки По, а может быть, в их центре, в городе Тицине, между тем как Иордан был в византийских владениях, т. е. в Равенне (см. стр. 52).

Военно-политическая ситуация после поражения готов при Анконе, когда средоточием готских сил стал именно город Тицин (Павия) и когда готы были отеснены к северу от реки По, а Равенна противостояла Тицину, была такова, что естественно было составление труда с политической тенденцией «*Getica*» Иордана именно в Равенне, ибо как раз оттуда, по мнению Е. Ч. Скрижинской, «должна была идти в правящую готскую среду пропаганда за признание остготами власти императора, за:

отход от собственной политической самостоятельности» (стр. 50). В пользу того предположения, что «*Getica*» была составлена в Равенне, Е. Ч. Скржинская приводит еще несколько дополнительных аргументов, из которых отметим следующий. По мнению Е. Ч. Скржинской, сторонники того, что Иордан был епископом в калабрийском городе Кротоне, неправильно считали, что диспенсатор Кассиодора выдал Иордану книгу Кассиодора для просмотра из библиотеки основанного им Вивария (близ Кротона): Виварий был основан после 550 г., и рукописи Кассиодора в 550—551 гг., накануне их отправки в Виварий, вероятно все, находились еще в Равенне (см. стр. 52).

Кратко изложенные нами выводы вступительной статьи, дающие ряд новых решений спорных вопросов, сжато сформулированы автором в заключительной части статьи (стр. 60—61).

Что касается перевода Иордана, то мы считаем нужным прежде всего отметить, что всякий перевод исторического памятника есть его толкование. Ценность перевода в значительной степени зависит поэтому не только от эрудиции переводчика, но и от его общей концепции значения и характера переводимого источника. Как мы уже видели, Е. Ч. Скржинская имеет хорошо продуманное и самостоятельное представление о «*Getica*» Иордана как об историческом источнике. Это — основное условие, обеспечивающее научные достоинства перевода и определяющее плодотворность предлагаемых Е. Ч. Скржинской толкований. Преодолевая значительные трудности в передаче неправильного латинского языка Иордана и его сложного и неудачного литературного стиля, Е. Ч. Скржинская стремилась сочетать близость к оригиналу с доступностью русского перевода для читателя, чего она и достигла.

III

Приступая к изложению наших критических замечаний, мы обратимся прежде всего к комментариям. Начнем с некоторых дополнений, которые, как нам кажется, были бы уместны в примечаниях к Иордану. Эти дополнения касаются главным образом тех случаев, когда напрашиваются некоторые параллели между теми или иными явлениями из истории готов и других (частично более ранних) древнегерманских племен.

1. В примечании № 477 (стр. 297) приводится свидетельство Орозия о смерти вестготского короля Атаульфа, убитого «из-за козней своих» («*dolo suorum*», т. е. готов). Может быть, не лишним было бы указать в том же примечании, что Тацит дает аналогичное объяснение убийству Арминия, который, по его словам, пал жертвой коварства своих родных («*dolo propinquo rum cecidit*»). — Тас., *Annales*, II, 88). Как нам представляется, это стоило бы отметить потому, что подобные случаи, — по-видимому, часто имевшие место в истории древнегерманских племен, — указывают на недостаточную прочность королевской власти и на ее борьбу с племенной знатю у древних германцев вплоть до начала V в.

2. В примечании № 248 (стр. 244) правильно отмечено, что название крупного — по-видимому, германского — племени «бастарны» — слово кельтское, а не германское, что само по себе еще не решает вопроса об этнической принадлежности бастарнов. Этот факт представляет интересную параллель к тому, что и общеплеменное обозначение древних германцев — «*Germani*» — слово не германского происхождения, а, может быть, иллирийского; в пользу последней возможности привел интересные аргументы (в том числе эпиграфические данные из придунайских областей) Э. Норден (E. Norden) в своей книге «*Alt-Germanien. Völker- und Namensgeschichtliche Untersuchungen*» (Berlin, 1934). Разбор известного текста «Германий» Тацита (Germ., 2), в котором содержится объяснение переноса названия «*Germani*» с племени тунгров на всех германцев, см. в другой, более ранней работе Нордена (E. Norden. *Germanische Urgeschichte in Tacitus Germania*. Berlin, 1922, S. 314—352). Однако указанный текст Тацита еще не дает разгадки самого происхождения названия «*Germani*», хотя Тацит и указывает, что так называли галлы вытеснившее их с берегов Рейна германское племя тунгров; поэтому гипотеза Нордена об иллирийском, а не о кельтском происхождении названия «*Germani*» представляет интерес. С другой стороны, указание Тацита на то, что название одного племени, перенесенное галлами на остальные германские племена из страха (*ob metum*) перед победителем, т. е. тунграми, распространилось на весь «народ» (Germ., 2: *ita nationis nomen, non gentis evaluisse paulatim*), является любопытной параллелью к отмеченному Е. Ч. Скржинской употреблению Иорданом понятия *patrio* и *gens*.

3. В примечании № 250 (стр. 244) «Аламанские поля» (*Alamannica arva*) в § 75 «*Getica*» Иордана совершенно правильно сопоставляются и отождествляются с так называемым «Десятиными полями» (*agri decumates* между верховьями Дуная и Рейном), упомянутыми Тацитом в 29-й главе его «Германий». Нам представляется, что и в этом случае следовало бы упомянуть предложенное Норденом толкование названия *agri decumates*, которое он производит не от латинского обозначения подати в виде десятины, уплачиваемой римскими колонистами в казну, а от кельтского слова

decumat, обозначавшего, по его мнению, «десяток» населявших эти «поля» родоплеменных групп. Книга Иордана «*Alt-Germanien*» вообще не цитируется в примечаниях к Иордану (ее нет и в списке литературы), между тем она представляет значительный интерес — независимо от согласия или несогласия с теми или иными утверждениями Иордана — в том отношении, что Иордан проявляет большую осторожность к смысловому истолкованию названий древнегерманских племен, в частности таким, как «тевтоны» (*teutoni*) и др. Это тем более существенно, что такую же осторожность совершенно правомерно проявляет Е. Ч. Скржинская по отношению к смысловому истолкованию названий остготовов и везеготов, отмечая, что у Иордана нет данных о происхождении этих названий от *austr* — «блестящий» и от *weise* — «мудрый» (см. прим. № 277, стр. 247). Кроме того, в этой книге Иордана имеется специальный экскурс, посвященный анализу данных Аммиана Марцеллина об аламанных.

4. В примечании № 709 (стр. 344) совершенно правильно проведена параллель между сообщением Иордана (§ 283) о том, что готам, «которым некогда война доставляла пропитание, стала противна мирная жизнь» (*quibus dudum bella alimonia prestissent, pax coepit esse contraria*), и утверждением Тацита, что германцам тягостен мир (Тас., *Germ.*, 14: *ingrata genti*quies).

Однако следовало бы тут же отметить и различие свидетельств Тацита (в той же главе его «Германии») об отношении древних германцев к труду и войне и сообщения Иордана о готах в § 290 «*Getica*»: Тацит в знаменитом общем выводе из своего описания быта германских дружинников (гл. 14) подчеркивает, что «их не так легко убедить пахать землю и выжидать урожая, как вызывать на бой врага и получать раны» (*nec agere terram aut exspectare annum tam facile persuaseris quam vocare hostem et vulnera mereri*); между тем Иордан в § 290 делает попутно как будто противоположное наблюдение, отмечая, что Теодорих «избрал по испытанному обычаю своего племени (разрядка наша. — А. Н.): лучше трудом снискивать пропитание, чем самому в бездействии пользоваться благами от Римской империи, а людям прозябать в жалком состоянии» (*elegit potius solito more gentis suae labore querere victum quam... gentem suam mediocriter victitare*). Правда, нам представляется, что по существу противоположности между свидетельствами Тацита и Иордана в данном пункте нет, ибо, с нашей точки зрения, описание Тацита в гл. 14 «Германии» относится лишь к дружинникам — рядовые свободные германцы и землю пахали, и урожай собирали (будучи одновременно и воинами, и земледельцами); тем не менее отметить различие в этих формулировках Тацита и Иордана, как нам кажется, следовало бы.

5. В примечании № 735 (стр. 346) Е. Ч. Скржинская считает, что, сообщая о назначении королем готов Тиудимером сына своего Теодориха наследником (*Get.*, § 288: *filium regni sui designat heredem*), Иордан модернизировал порядок назначения и избрания королей, ибо, по ее мнению, решающую роль при этом играло народное собрание, которое обычно и аккламировало нового вождя. По этому поводу следует заметить, что передача королевской власти у древних германцев издавна происходила путем сочетания решения народного собрания и избрания королем заранее намеченного лица из среды знати: ср. Тас., *Germ.*, 7: *reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt*, а также Тас., *Annales*, XI, 16, 17, где подробно изображается избрание королем херусков Италика, причем одним из аргументов его сторонников в пользу его избрания служит то обстоятельство, что он происходил из королевского рода (*stirpis regiae*) и был племянником знаменитого Арминия; см., кроме того сообщение Веллея Патеркула («*Historia Romana*», I, 108) о знатном происхождении короля маркоманнов Маробода (начало I в. н. э.). К тому же в примечании № 806 (стр. 360) к параграфам 169—172 «*Getica*» отмечено, что у вандалов к концу V в. назначение преемников вошло уже в обычай и что Гейзерих перед смертью (в 477 г.) завещал передавать трон старейшему в королевском роде. Эта победа наследования королевской власти над выборностью королей — явление, конечно, более позднее, и притом она не является окончательной: так, в Меровингском государстве королевская власть еще долгое время оставалась выборно-наследственной. Тем не менее, передом в характере королевской власти и в порядке ее наследования у древнегерманских племен за время от I до V в., несомненно, имел место, но он оформился именно в эпоху основания варварских королевств на территории бывшей Римской империи. До этого провозглашение того или иного лица королем в народном собрании и назначение данного лица его предшественником в качестве наследника королевской власти могло иметь место в самых различных сочетаниях, причем первое и второе могло играть то большую, то меньшую роль — в зависимости от конкретной ситуации⁷. После этого о избрании — вернее, утверждение — королем наследника предыдущего короля стало происходить уже не в народном собрании, а в собрании знати.

⁷ Это подтверждается и историей остготских королей из рода Амалов и вестготских королей из рода Балтов.

Кроме того, мы имеем следующие замечания по разделу «Комментарий».

1. Правильно разграничивая в примечании № 59 (стр. 192—193) ругиев и лугиев и считая вторых славянским племенем, Е. Ч. Скрижинская не ставит вопроса об этнической принадлежности каждого из более мелких племен, входящих в племенной союз лугиев (согласно гл. 43 «Германии» Тацита). Между тем описанный Тацитом культ двух божеств, называемых Алки и напоминающих, по его словам, Кастора и Поллукса, у одного из этих племен, входящего, по мнению Тацита, в состав лугиев, а именно у наганарвалов, очень напоминает древнегерманские культы. Весьма возможно, что Тацит допустил ошибку, причислив наганарвалов к лугиям, — тем более что он не отмечает наличия подобного культа у других названных им племен «лугийского» союза.

Е. Ч. Скрижинская справедливо указывает, что «в источниках, содержащих этнические (почти всегда чуждые автору) названия и описания расселения племен, часто бывают не только неточности, но и путаница». Хотя комментатор совершенно правомерно не относит это общее положение к Тациту, к которому оно и в самом деле менее всего применимо, тем не менее не исключена возможность указанной выше ошибки Тацита (см. стр. 192). Однако вопрос об этнической принадлежности племени наганарвалов этим замечанием еще не разрешается. Кстати, Тацит говорит о ругиях в 44, а не в 43 гл. «Германии»; в 43 гл. (вслед за маркоманнами, квадами и другими примыкающими к ним племенами) упоминаются только лугии, а в 44 гл. — сначала идет речь о лугиях и готонах, а потом о ругиях и лемовиях; в конце же 44 гл. описывается быт свинов; в 43 гл. ругии не упоминаются⁸.

2. В примечании № 388 (на стр. 275) Е. Ч. Скрижинская цитирует текст Аммиана Марцеллина об отсутствии рабства у аланов (*servitus quid sit ignorabant*. — *Amm. Marc.*, XXXI, 2, 25). Интересно было бы поставить вопрос, о каком именно рабстве здесь идет речь. Ибо если в общественном строе аланов «замечны черты военной демократии» (как полагает Е. Ч. Скрижинская на стр. 275), то у них могло иметь место так называемое патриархальное рабство, которое на аналогичной стадии развития наблюдается у германских и славянских племен. Отсутствие его у аланов представляет интересную особенность и требует дальнейшего объяснения.

3. В примечании № 379 (на стр. 270) Е. Ч. Скрижинская справедливо отмечает воздействие славян на культуру гуннов (в результате соприкосновения последних с антами в конце IV в. на Днепре и пребывания славян на Тиссе и в Паннонии уже в V в.). Не сказалось ли это влияние (кроме приведенных в примечаниях заимствований отдельных славянских слов) и на изменении уровня хозяйственного развития гуннов, которые постепенно превращались в оседающих на землю кочевников, частично переходивших к низшим формам земледелия? Возможно, что подобный переход происходил и у аланов: трафаретность изображения гуннов и аланов у Аммиана Марцеллина (см. Е. Ч. Скрижинская, стр. 276) отмечается некоторыми исследователями, на наш взгляд, совершенно правильно.

4. В примечании № 245 (на стр. 243) сказано, что название «Каталония» произошло от племенных названий готов и аланов (собственно «Готоалания») — подобно тому, как «Андалузия» — от названия вандалов; между тем в примечании № 388 (на стр. 279) это предположение, касающееся Каталонии, отвергается в такой форме: «выражается сомнение относительно того, что имя «аланы» содержится в некоторых географических названиях; например, Каталония едва ли получилась из *Goth-alania* (стр. 279)». Следовало бы либо точнее указать, кем именно и на каком основании выражается это сомнение, либо как-нибудь согласовать утверждения на стр. 243 и 279.

5. В примечании № 610, посвященном антам, на стр. 321 сказано: «не имеется пока в распоряжении историков и достаточно четких следов пребывания готов в Причерноморье». Так как Е. Ч. Скрижинская на протяжении всего текста «Комментариев» подробно прослеживает по письменным памятникам пребывание остготов и вестготов в различных областях Северного Причерноморья (см., например, стр. 196—197), то вышеприведенное утверждение на стр. 321, очевидно, имеет в виду отсутствие достаточно определенных археологических данных о пребывании готов в Северном Причерноморье.

6. В примечании № 314 (на стр. 254) следовало бы несколько уточнить датировку Бургундской Правды: вместо «свод законов конца V—VI вв.» — лучше было бы сказать: «конца V — начала VI в.».

Большой научной заслугой Е. Ч. Скрижинской следует считать установление во вступительной статье («Иордан и его «Getica»») политической тенденции «Getica» и раскрытие ее социального смысла. В пользу своего понимания этой политической направленности «Getica» Е. Ч. Скрижинская привела целый ряд весьма существенных аргументов и построила хорошо продуманную систему логических умозаключе-

⁸ Впрочем, в некоторых изданиях «Германии» Тацита начало 44 гл. помещено в качестве последнего абзаца гл. 43.

ний. Отнюдь не оспаривая их убедительность, мы позволим себе заметить только следующее.

При всем различии политической тенденции утерянной «Истории готов» Кассиодора и дошедшей до нас «Getica» Иордана историческое содержание обоих сочинений очень близко друг к другу, ибо и то, и другое посвящено истории готов в древнейших временах. Более того, и Кассиодор, и Иордан производят готов от гетов; оба в одинаковой мере прославляют могущество готов на всем протяжении их истории и мощь королевского дома Амалов. Конечно, заключительная часть труда Кассиодора естественным образом отличается от заключения труда Иордана, так как у Иордана и изложение событий доведено до более позднего срока, и политическая тенденция иная. Однако, хотя «Getica» Иордана и может быть названа в известном смысле публицистическим трактатом (см. стр. 77), это обозначение все же далеко не исчерпывает ее содержания: наряду с этим «Getica» Иордана, как и хроника Кассиодора, есть историческое сочинение, излагающее не только современные авторам события, но всю прошлую историю готов. Это изложение готской истории с I до начала VI в. тоже имеет свою тенденцию, но она у обоих авторов одинакова и заключается в отмеченном выше прославлении готов и преувеличении древности их истории. Преклонение Иордана перед победителями Юстинианом и Велисарием в заключительном параграфе (§ 316) его «Getica» можно объяснить и как своего рода *captatio benevolentiae* автора. Поэтому применительно к исторической стороне «Getica» понятно утверждение большинства исследователей (за исключением, может быть, только одного Джунта), что она написана «в духе Кассиодора»⁹.

В связи с этим возникает вопрос: для какой цели нужно было, с точки зрения итальянской и части готской знати, в изменившейся в 550—551 гг. военно-политической ситуации сохранять в новом труде Иордана прежнее прославление готов и тем более королевского рода Амалов, которому посвящена была хроника Кассиодора? Ведь политическая программа итальянской знати ко времени приближавшегося полного поражения Тотилы заключалась, по-видимому, в стремлении к ликвидации Остготского королевства и к включению Италии в состав Восточной империи. Правда, в разделе «Комментарий» Е. Ч. Скржинская отмечает, «что в период написания «Getica» Иорданом такая тенденция (преувеличение древности истории готов.— А. Н.) была весьма важна и нужна для политики еще оставшихся в Италии остготовов» (прим. № 344, стр. 267). Однако, по справедливому мнению Е. Ч. Скржинской, интересами этих «оставшихся в Италии остготовов» нельзя объяснить самый факт изменения общей политической тенденции в «Getica» Иордана по сравнению с тенденцией хроники Кассиодора, да еще в обстановке окончательного поражения остготовов.

В свете высказанных нами соображений представляется не до конца доказанной гипотеза об уничтожении хроники Кассиодора (стр. 40). Почему не предположить, что она просто пропала в обстановке непрерывных военных столкновений, особенно во время начавшегося вскоре после кратковременного византийского господства вторжения лангобардов в Италию? Ведь многие хроники постигла та же участь без их нарочитого уничтожения. Весьма возможно, что хроника Кассиодора именно потому и была утрачена, что ввиду ее больших размеров она была размножена, как полагает Е. Ч. Скржинская, в малом количестве экземпляров, между тем как небольшое сочинение Иордана, так сказать, «популярно» излагавшее готскую историю Кассиодора, переписано было в большом количестве списков.

По вопросу об отношении самого Кассиодора к составлению «Getica» во вступительной статье Е. Ч. Скржинской заметны некоторые колебания: с одной стороны, она предполагает, что «Касталий, побудивший Иордана составить «Getica», выражал желание самого Кассиодора и близких ему общественных кругов» (см. стр. 40), а с другой стороны, она считает весьма вероятным, что рукопись Кассиодора была выдана Иордану на очень короткое время именно из боязни скомпрометировать автора в острый политический момент (см. стр. 51) и, более того, что Иордан делал выписки «втайне от бдительного диспенсатора, хранителя интересов Кассиодора» (стр. 52).

Как явствует из изложенного, наши замечания касаются лишь отдельных пунктов построения Е. Ч. Скржинской и некоторых деталей в разделе «Комментарий».

В целом выполненный Е. Ч. Скржинской труд дает советским историкам (в первую очередь медиевистам, славяноведам и византинологам) образцовое научно комментированное издание одного из важнейших нарративных памятников по истории

⁹ Левисон в последней обработке труда Ваттенбаха, касаясь замечаний Ранке о наличии у Иордана политической тенденции (это замечание использовано Е. Ч. Скржинской), полагает, что Ранке заходит в этом направлении слишком далеко. См. W a t t e n b a c h — L e v i s o n. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, I. Heft. Weimar, 1952, S. 79. Если утверждение Левисона, что «Иордан писал вполне в духе Кассиодора», и преувеличено, то несомненна близость исторической концепции авторов.

раннего средневековья в Европе и представляет ценный вклад в науку.

Создание такого труда является большим научным достижением, тем более что в западной историографии нет такого издания Иордана. Большим достоинством этого издания является также и наличие трех подробных указателей (имен, географических и этнических названий), составленных отдельно к переводу и комментарию и к латинскому тексту «*Getica*».

Так как рецензируемая книга представляет большой интерес не только для специалистов-историков, но и для более широкого круга читателей, интересующихся историей, а также для аспирантов и студентов, то остается лишь пожелать, чтобы было выпущено второе издание этого труда, первое издание которого уже разошлось.

А. И. Неусыхин

Г. Л. КУРБАТОВ. ВИЗАНТИЯ В VI СТОЛЕТИИ.

Учпедгиз. Л., 1959, 136 стр.

История Византии довольно подробно изучается в средней школе. Даже сейчас, после того как были перестроены и сокращены программы, ее проходят в трех темах; трижды на протяжении одного года шестиклассники обращаются к изучению истории империи. Учителя давно уже нуждались в популярной работе, которая познакомила бы их с развитием экономики и общественных отношений, с борьбой классов и политической историей Византии. Книга А. П. Каждана и Г. Г. Литаврина («Очерки истории Византии и южных славян». М., Учпедгиз, 1958) восполнила этот пробел, дав в руки учителю первоклассный и научно проверенный материал. Однако в работе А. П. Каждана и Г. Г. Литаврина, охватывающей всю историю империи, сравнительно немного места было уделено характеристике ранней Византии, а между тем именно этот период изучается в школе наиболее подробно. Поэтому у преподавателей средней школы и после выхода в свет «Очерков по истории Византии» не исчезла потребность в брошюре, популярной и доступной, рассматривающей указанный переломный этап истории Византийской империи. Этой задаче удачно отвечает вышедшая в 1959 г. книга Г. Л. Курбатова «Византия в VI столетии».

Книга Г. Л. Курбатова невелика по объему — в ней всего 136 страниц малого формата; она снабжена картой, очень скупо и в то же время весьма тщательно иллюстрирована. Книга распадается на две части. Первая — «Византия в IV—V вв.» — посвящена истории возникновения Восточноримской империи, характеристике ее города и деревни, общественной структуры, государственного управления. Вторая часть — «Византия в VI в.» — содержит рассказ о политике Юстиниана, последующем упадке империи и вторжении славян. Оценивая эту работу, мы не должны предвешать каких-либо особенно строгих претензий к ее содержанию: от популярной брошюры трудно ожидать новых научных решений. Но два обстоятельства должны быть непременно приняты во внимание: 1) насколько учитывает автор новейшую литературу и 2) с какой степенью доступности ведет он свое повествование. Книга Г. Л. Курбатова, за немногими исключениями, вполне отвечает указанным двум требованиям.

Удачный характер изложения можно проиллюстрировать целым рядом примеров. Так, автор не упускает возможности дать яркий очерк природных ресурсов империи, ее географического положения, занятий ее населения. Он набрасывает живую картину ремесленного и сельскохозяйственного производства самых разных районов страны — Сирии, славившейся посудой из цветного стекла, драгоценными тканями и изделиями из серебра; Малой Азии, производившей шерсть, пурпур, ремни, обувь, седла; Греции, как и в древности, поставившей производство искусства (стр. 17—19). Очень интересен рассказ о Константинополе, о его стенах и укреплениях, колоссальных цистернах (стр. 23—25), о постройках, возведенных Юстинианом (стр. 94—102). Несколько суховата характеристика византийского государственного аппарата и церкви; автор объясняет наемный характер войска тем, что куриалы и ремесленники, торговцы, колонны и рабы были прикреплены кто к своему сословию, кто к земле, и не несли службы в армии (стр. 36). Но он забывает, что несколькими страницами выше сам же обрисовал значительную прослойку свободных общинников, которые вполне могли нести службу в армии и несли ее, как об этом говорится ниже (см. стр. 40). Впрочем, и здесь встречаются очень интересные подробности. Так, Г. Л. Курбатов подчеркивает военное превосходство богатой железом Византии над Ираном, не имевшим своих железных рудников (стр. 38); он рассказывает о том, как в 465 г. правящие круги Восточной империи затеяли грандиозную военную экспедицию в Италию на 1113 судах, обошедшуюся в 30 млн. рублей золотом, для того чтобы отсрочить гибель Западной империи (стр. 41).

Хорошо, что автор детально останавливается на борьбе партии цирка, — такую характеристику не часто найдешь в литературе (стр. 48—55). Он верно отмечает, что интересы верхушки цирковых партий были весьма далеки от подлинных интересов